

СДАЧА КРЕПОСТЕЙ

Обычаи и опыт Северной войны

Войны XVII – начала XVIII веков характеризуются относительно небольшим количеством полевых сражений по сравнению с осадами крепостей. Именно под стенами городов армии европейских государей проводили большую часть военных кампаний. Обычаи, связанные с обороной и осадой крепостей, складывались столетиями и к началу XVIII века представляли собой свод правил, которые признавались всеми сторонами конфликтов независимо от государственной принадлежности. Настоящий доклад мы посвящаем обычаю сдачи крепостей на примере осад Северной войны, когда русская армия чаще всего выступала в роли осаждающей стороны.

Длительная осада и кровопролитный штурм неизбежно влекли за собой крупные людские потери и материальные затраты, поэтому такой ход событий не был выгоден ни осаждающим ни осаждаемым. Осаждающие старались прекратить осаду посредством переговоров в надежде минимизировать издержки; еще одной причиной, по которой осаждающему было выгодно как можно скорее получить крепость была вероятность подхода помощи к гарнизону. Осажденного же склоняли к сдаче такие факторы как истощение припасов, слабость гарнизона, отсутствие надежды на помощь извне, угроза потери имущества и массового истребления в ходе штурма. Однако, «приличным» считалось сдаться лишь после того, как осаждающий предпримет значительные усилия к взятию города (построит артиллерийские батареи, подведет осадные траншеи к крепостным валам, пробьет брешь в стене). Своей упорной обороной осаждающий мог заставить осаждающего с большими потерями брать один за другим многочисленные рубежи обороны, оставляя в его руках лишь руины укреплений; таким образом, гарнизон мог «заработать» себе более почетные условия сдачи. А потраченные неприятелем на осадные работы время и силы оправдывали коменданта в глазах собственного командования и показывали, что к защите города были предприняты все возможные усилия.

Существовало два варианта условий сдачи. Первый и наиболее распространенный - «на аккорд» - предполагал заключение сторонами соглашения, по которому в обмен на прекращение сопротивления гарнизону давалась возможность свободно покинуть крепость и уйти к своим (к ближайшей крепости), взяв с собой оговоренное имущество, вооружение и регалии. Второй вариант - «на дискрецию» - означал безоговорочную сдачу на милость победителя, т.е. гарнизон попадал в плен со всем имуществом. Термин «капитуляция» в те времена означал заключение

любого договора об условиях прекращения военных действий, т.е. был более широким понятием, чем сдача на аккорд и на дискрецию.

Осаждающий мог уговаривать к сдаче на аккорд и предлагать почетные условия неоднократно в ходе осады. Если же осажденный оказывался в безвыходном положении, он просил аккорда по собственной инициативе (и надеялся на то, что осаждающий не будет настаивать на дискреции). В некоторых случаях, коменданты дожидались, пока осаждающий построит осадные батареи, и затем были готовы сдать крепость после короткой бомбардировки. В мае 1703 г. после начала русскими бомбардировки запросил пощады и был выпущен на аккорд шведский гарнизон Копорья: «не стерпя от бомб наших великого утеснения и видя изнеможение силы своея, по барабанном бою, вышед из тое крепости, сам комендант с офицеры просили пардона со слезами; и господин генерал-фельтмаршал ..., приняв город, ... приказал отпустить их в неприятельскую сторону к Выборху»¹. Схожим образом закончились осады Ям, Ниена, Митавского замка и Штеттина². А под Тенингеном сооружение мортирных батарей само по себе стало поводом к переговорам о сдаче крепости, и бомбардирование так и не было начато³. Во все время двухнедельных переговоров с ивангородским комендантом (Магнус Стиернстрале в последствии фактически руководил обороной Выборга в 1710 г.), по крепости не было сделано ни одного выстрела, хотя вокруг нее было собрано большое количество русских пушек, высвободившихся после взятия Нарвы⁴.

В некоторых случаях бомбардировки было не достаточно, и стороны договаривались о сдаче только после того, как осаждающий пробивал брешь и был готов идти на штурм (Выборг в 1710 г., Нейшлосс в 1714 г.). Лишь комендант Нарвы генерал Горн отверг в 1704 г. все предложения о сдаче, даже когда в стенах крепости были сделаны бреши.

Больше всего крепостей сдалось на аккорд в 1710 г.: Рига и Дюнамюнде сдались после рекордно длительной девятимесячной осады, претерпев голод, эпидемию чумы и массированные бомбардировки. Ревель сдался, испытав на себе двухмесячную блокаду в условиях эпидемии чумы. А комендант Кексгольма пошел на переговоры после двухмесячной блокады, завершившейся бомбардировкой.

Немногие коменданты отваживались дожидаться штурма, но даже во время боя было не поздно попробовать договориться с противником. Например, в октябре 1702 г. длительный штурм Нотебурга был отбит, но, поскольку русские войска продемонстрировали упорство и готовность продолжать приступ, а защитники понесли тяжелые потери, комендант вступил в переговоры, и гарнизон был выпущен на почетных условиях. Также и Дерпт решили сдать лишь после того, как русские войска в ходе длительного ночного боя под крепостными стенами захватили важные пункты обороны и угрожали ворваться в ворота. Однако к 1710 г. русское командование считало, что неприятель, сдающийся во время боя, достоин только плена; инструкция к штурму Выборга

гласила: «ежели неприятель ударит в барабаны шамад (сдачу), то надлежит им сказать, чтоб отдались на дискрецию, а ежели того учинить не похотят, то ... штурмуйте дале»⁵.

Ответственность за решение о сдаче крепости коменданты старались разделить со своими подчиненными. Так, для обсуждения условий сдачи комендат Дерпта собрал старших офицеров гарнизона и представителей городского магистрата⁶. А во время осады 1710 г. комендант Выборга собрал из офицеров гарнизона военный совет, на котором, несмотря на пессимизм офицеров, было принято решение отбить один штурм русских, после чего сдать крепость (плану этому не суждено было сбыться)⁷.

О желании начать переговоры неприятелю сообщали музыкальным сигналом, который назывался «шамад». (Выбрасывание белого флага для обозначения сдачи в документах эпохи нам не встречается). По европейской традиции музыканты принимали участие в любых переговорах и часто направлялись в стан неприятеля с поручениями и письмами. О неприкосновенном статусе барабанщиков и трубачей как парламентаров говорилось в «объявлении» от имени князя А.Д.Меншикова в 1706 г., когда от шведов требовали, чтобы «барабанщикам и трубачам волно было б приехать и возвращатца (по обычаю всего света) с чем оне посланы будут», и с русской стороны «таким присланным задержанья не бывало и впредь не будет»⁸. Известно, что с «увещательным письмом о сдаче» для переговоров в Нотебург и позднее в Ниен Б.П.Шереметев направлял одного и того же трубача по имени Готфрит⁹. Отправка барабанщика к неприятелю означала прекращение боевых действий: стороны прекращали стрельбу, приостанавливали (или должны были приостановить) осадные и оборонительные работы и обменивались заложниками («аманатами»). При осаде Выборга в 1710 г., судя по запискам Юста Юля, барабанщики отправлялись в крепость нарочно, чтобы царь Петр мог воспользоваться перемирием и осмотреть укрепления не опасаясь выстрелов¹⁰.

Шамад игрался на барабане или на трубе, поэтому если комендант решался играть сдачу в пылу боя, то сигнал могли просто не услышать. К примеру, во время штурма Дерпта четыре шведских барабанщика были убиты при попытке начать переговоры, прежде чем русские войска прекратили штурм¹¹. Схожая ситуация сложилась в Нарве, где ворвавшиеся в крепость солдаты больше не обращали внимание на сигналы готового сдаться неприятеля, и комендант был вынужден лично бить кулаком в барабан, т.к. у него не осталось музыкантов¹².

Опыт взятия крепостей во всех странах и во все времена учил, что осаждающий, даже не имея кровожадных намерений, как правило, не имел физической возможности удержать своих

солдат от насилия по отношению к местному населению в условиях ожесточенного приступа и суматохи уличного боя. В этом отдавали себе отчет и русские и шведы, что наглядно видно из источников о взятии Дерпта. Комендант крепости объяснял свое решение сдать город тем, что он был «не в состоянии держаться дольше и проникся состраданием к бедным обывателям, которые [в случае штурма. – Б.М.] все были бы преданы мечу»¹³. А царь Петр остановил свои войска у ворот Дерпта «не чая солдат в ярости удержатъ, ежелиб они насильно в город вошли»¹⁴.

Единственным случаем, когда город был взят «на шпагу» и горожанам угрожала неминуемая расправа ожесточенных солдат, стал штурм Нарвы в 1704 г. Однако, и тогда русское командование старалось ограничить кровопролитие. Один из участников штурма, судя по журналу барона Гизена, утверждал, что городское население было «сохранено и пощадено в таковом случае, в котором воинские права позволяли все предать ярости солдатской»¹⁵, а князь Б.И.Куракин писал (все же не без преувеличения), что был «всем дарован живот, которое дело славное и дивное в свете сделалось, что николи того слыхать было, которых обычайно взяв, шпагою всех колют»¹⁶. В записках Юста Юля описываются случаи, когда царь лично убивал собственных солдат, «застигнув их нарушающими его приказание щадить жителей»¹⁷. Анонимный английский офицер на русской службе по поводу взятия Нарвы записал, что «город был отдан на разграбление в качестве награды за труды солдатам, которым, однако, было запрещено убивать жителей, если только они не оказывали вооруженного сопротивления», а также неприкосновенными остались склады английских и голландских купцов¹⁸. По свидетельству одного из нарвских горожан, он сохранил жизнь, но потерял все свое имущество¹⁹. Так или иначе, штурм Нарвы привел к крупным потерям сил гарнизона и жителей – судя по шведскому источнику, после взятия города трупы вывозили и сбрасывали с реку Нарову в течение трех дней²⁰. А русский Журнал осады Нарвы, признавая «бедственную гибель и расхищение» и то, что солдат пришлось «унимать от кровопролития», возлагал всю ответственность на «гордого нарвского коменданта»²¹. Второй такой штурм шведской крепости мог состояться 9 июня 1710 г., когда планировался приступ на Выборг. Боевое постановление к штурму предписывало русским солдатам «женского полу и малых младенцев и духовного чину не убивать», и чтобы «грабительства никакого не чинили»²².

Если в Нарве имущество многих обывателей стало военной добычей, и многие из них погибли, то штурм города Эльбинга в 1710 г. не сопровождался такими эксцессами. Тем не менее, Петр наложил на эльбингских мещан контрибуцию в виде новых мундиров и жалованья для русских войск²³. Объяснялось это обременение горожан так: «Хотя они оной [Эльбинг, - Б.М.] штурмом взяли, однакож от всякого грабления оного, которое при таком случае обыкновенно бывает, весьма удержались»²⁴. Как видно, русские считали, что поступили со взятыми штурмом городами мягче, чем то позволяли принятые тогда правила ведения войны (население Нарвы было

приказано щадить, а в Эльбинге было сохранено имущество горожан). В целом, представления той эпохи о границах допустимого при штурме городов раскрываются в 14 главе Артикула воинского «О взятии городов»: в ходе штурма запрещалось грабить церкви, школы и госпитали, запрещалось убивать детей, женщин, стариков и священников; грабеж разрешался лишь после того, как гарнизон прекратит сопротивление²⁵.

В случае сдачи крепости по договору, почетный выход из крепости должен был происходить по традиции с «распущенными знаменами и ... гремящею игрою [музыкой. - Б.М.]..., с верхним [стрелковым и дробковым. - Б.М.] и нижним [клинковым. - Б.М.] ружьем, с принадлежащим порохом и пулями во рту»²⁶. Распущенные знамена и играющая музыка символизировали воинскую доблесть гарнизона, который сохранил свои регалии; тлеющий фитиль и пули во рту означали полную боеготовность гарнизона, который, хоть и сдавался, но оставался опасным для неприятеля. Обычай также предписывал гарнизону выходить через брешь в стене. На таких условиях выходил гарнизон Нотебурга, однако, брешь в стенах этой крепости еще во время штурма оказалась непроходимой, и как шведы могли выйти через нее строем с оружием, пулями во рту и четырьмя пушками остается загадкой (видимо, пункт о выходе через брешь был включен в договор для соблюдения традиции). Последующие договоры о сдаче не содержат упоминания о выходе через пролом, и договор о сдаче Ниеншанца позволял гарнизону выйти со всеми воинскими почестями через ворота крепости и уйти с конвоем в Выборг²⁷. На почетных условиях сдался гарнизон Митавского замка: под бой барабанов, с распущенными знаменами, 12-ю пушками и одной мортирой, с 13-ю зарядами для каждой пушки и припасами для солдат, которые под эскортом русских драгун были отправлены в Ригу²⁸. При переговорах о сдаче замка Бауска в сентябре 1705 г., шведский комендант среди прочих довольно стандартных пунктов, потребовал, чтобы бюргеры вернули уходящему гарнизону подаренные шведскими офицерами для городской церкви украшения²⁹. На что ему было отвечено: «церковное украшения, что дано, не отыметца от церкви; тая вещь не военная, и христианину того чинить не надлежит»³⁰.

В ситуации, когда атакующие войска уже практически стояли в пробитых воротах Дерпта, коменданту было разъяснено, что он не может рассчитывать на почетный выход (с оружием) для всего гарнизона; выпущены были лишь три роты, остальные были объявлены пленными³¹. Гарнизон Кексгольма тоже требовал для себя почетных условий аккорда, но, поскольку не имел шансов на помощь извне и не оказал особенно активного сопротивления, был выпущен «без знамен и полковой музыки»³².

«Аккорд» также предусматривал беспрепятственный выход мирных жителей и семей гарнизона. При сдаче Ниена договор требовал, «чтоб его царского величества zde обретающеся войско гварнизона, и жен их и детей и пожитков ничем не касались, и чтоб, по обнятии крепости царского величества людьми, гварнизону дать сроку, пока все вещи свои вывезут и сами выдут»³³. Из Дерпта часть гарнизона была взята в плен, часть отпущена в Ригу, а 411 солдат были «отпущены в крестьянство по прежнему»³⁴. В 1710 г., несмотря на предоставленную возможность уйти вместе с шведским гарнизоном Кексгольма, часть солдат предпочла вернуться к крестьянству или перейти на русскую службу³⁵.

При ведении переговоров о судьбе Ивангорода, где после падения Нарвы засел маленький шведский гарнизон и большое количество беженцев, осаждающие сначала настаивали на том, чтобы гарнизон (находившийся в безвыходном положении) сдался на дискрецию, но затем Петр согласился выпустить обывателей и гарнизон к Ревелю. Отчаянное положение сдающихся подчеркивалось тем, что выход дозволялся без знамен, барабанного боя и обнаженных шпаг, а мушкеты нужно было нести «обращенно», т.е. прикладами вверх³⁶.

С подписанием аккорда, осаждающий занимал позиции на брешах и затем сменял караулы гарнизона внутри крепости. О том, как осажденные передавали победителям Выборгскую крепость, Петр писал Б.П.Шереметеву: «Объявляю вам, что комендант Выборгский, по изготовлении бреша, не дожидая шторма, вчерашнего числа на аккорд сдался, и того-же времени два наши батальона с сей стороны и несколько рот от генерала-майора Бергольца на бреши поставлены, а сего дня наш полк будет караулы у шведов всего города принимать»³⁷.

Не смотря на кажущееся благородство отношений, когда осаждающий давал возможность храброму гарнизону покинуть крепость с почестями, условия «аккордов» иногда не соблюдались. Возможно, начало положил в 1700 г. шведский король Карл XII, который сдавшуюся на аккорд под Нарвой русскую армию согласился отпустить с оружием, однако затем «сохранил все их знамена и штандарты, и задержал всех знатных офицеров в качестве пленников»³⁸. В 1710 г., ссылаясь на неоднократные случаи недобросовестного соблюдения шведами условий обмена пленными, Петр в нарушение заключенных договоров задержал часть гарнизонов Риги и Выборга. Пункты договора, даже если соблюдались, могли трактоваться победителем в выгодную для себя сторону. Например, по договору о сдаче Дерпта право уйти с оружием было дано трети гарнизона, и Петр приказал Шереметеву отпустить в Ригу тех, «которые плоше»³⁹; о чем фельдмаршал и отчитался: «третью часть, плохих, с полковником Тизингузенем отпустил ... , а ружье им дано, которое хуже нельзя: без замков, и ломаное, и с жаграми»⁴⁰. Часть гарнизона, которую должны

были отпустить, на некоторое время задержали под стенами крепости для досмотра вывозимых пожитков⁴¹.

Сильнейшая сторона диктовала свои условия в большинстве случаев, однако мы знаем один пример, когда отчаянные офицеры гарнизона отказались сдаться вопреки приказам смирившегося с поражением коменданта. Таким драматичным эпизодом оказалась сдача Мариенбурга в 1702 г. Комендант стал предлагать переговоры не дожидаясь приближения атакующих к стенам города, но в гарнизоне не все были согласны сдаться вместе с комендантом – «прапорщик и штик юнкор и несколько с ним солдат вшел в ту полату, где был порох и ручные ядра и всякие припасы, и сам себя и с теми, кто были с ним, порох зажех, и много с собою народу погубил»⁴². После этого в плен были взяты все защитники и жители города (среди которых оказалась будущая императрица Екатерина I).

В ходе Северной войны русская армия провела не менее 25 осад более или менее крупных шведских крепостей. При этом «на аккорд» (с выходом гарнизона) сдались 14 крепостей; в 3 случаях гарнизон был пленен («на дискрецию»); еще в 3 случаях в плену была удержана часть гарнизона, а часть была отпущена. Дважды русские войска были вынуждены отступить от осажденной крепости. Лишь однажды в истории Северной войны длительная регулярная осада крупной крепости закончилась полномасштабным штурмом, в ходе которого осаждающие с боем ворвались в город (Нарва в 1704 г.). Причиной сдачи крепости могла быть сделанная в стене пригодная для штурма брешь (Мариенбург, Дерпт, Выборг, Нейшлосс). Но чаще всего коменданты сдавались, видя невозможность продолжения обороны в результате бомбардировки или блокады (Нотебург, Копорье, Ям, Ниеншанц, Рига, Ревель, Кексгольм и пр.). В целом можно сказать, что русское командование чаще было склонно проявить относительную мягкость и позволяло противнику уйти с почетом даже когда у шведов не было шансов отстоять свою крепость.

¹ Военно-походный журнал (с 3 июня 1701-го года по 12 сентября 1705 года) генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева // Материалы военно-ученого архива главного штаба. Т.1. СПб, 1871. С. 131.

² Военно-походный журнал Б.П.Шереметева. С. 129; Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2, С. 160; Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 3. С. 436.

³ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т.13. Вып.1. С. 342.

⁴ Палли Х.Э. Между двумя боями за Нарву. Эстония в первые годы Северной войны 1701-1704. Таллин, 1966. С. 263.

⁵ Васильев М. Осада и взятие Выборга русскими войсками и флотом в 1710 г. М., 1953. С. 86.

⁶ Палли Х.Э. Между двумя боями за Нарву. С. 240.

⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 10. С. 604.

⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 4. С. 319.

⁹ Журнал 1703-го года // Походный журнал 1703 г. СПб, 1853. С. 16.

¹⁰ Юль Ю. Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы. М., 2001. С. 172.

¹¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 3. С.168; Adlerfeld G. The military history of Charles XII. King of Sweden, written by the express order of his Majesty, by M. Gustavus Adlerfeld. London, 1740. Vol. 1. P. 336.

¹² Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 3. С. 176.

-
- ¹³ Adlerfeld G. The military history of Charles XII. Vol. 1. PP. 335-336.
- ¹⁴ Гизен. Журнал Государя Петра I. С 1695 по 1709 // Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях Государя Императора Петра Великого. Изданное трудами и иждивением Феодора Туманского. Т. 3. СПб, 1787. С.419.
- ¹⁵ Там же. С. 458.
- ¹⁶ Куракин Б.И. Русско-шведская война. Записки. 1700-1710 // Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн. 1. СПб, 1890. С. 297.
- ¹⁷ Юль Ю. Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы. М., 2001. С. 52.
- ¹⁸ British Officer in the Service of the Czar. An impartial history of the life and actions of Peter Alexowitz, the present Czar of Muscovy. London, 1723., P.155.
- ¹⁹ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. I. СПб, 1863. СС. 312-313.
- ²⁰ Adlerfeld G. The military history of Charles XII. Vol. 2. P. 22.
- ²¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 3. С. 177.
- ²² Васильев М. Осада и взятие Выборга русскими войсками и флотом в 1710 г. М., 1953. С. 86.
- ²³ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 10. С. 154.
- ²⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 10. С. 386.
- ²⁵ Военной Устав с Артикулом Военным. СПб, 1748. СС. 120 – 121.
- ²⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2. С. 88.
- ²⁷ См.: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2. С. 155. и Военно-походный журнал Б.П.Шереметева. С. С.127. Однако, Адлерфельд (Adlerfeld G. The military history of Charles XII. Vol. 2. P. 225) пишет, что условия договора выполнены не были, и гарнизон остался в плену.
- ²⁸ Adlerfeld G. The military history of Charles XII. Vol. 2. P. 156.
- ²⁹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т.3. С. 969.
- ³⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 3. С. 970.
- ³¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2. С. 443.
- ³² Мышлаевский А.З. Северная война на Ингерманладском и Финляндском театрах в 1708 – 1714 гг. СПб, 1894. С. 127.
- ³³ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2. С. 157.
- ³⁴ Военно-походный журнал Б.П.Шереметева. СС. 163-164.
- ³⁵ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 10. С. 353.
- ³⁶ Гизен. Журнал Государя Петра I. С 1695 по 1709. С. 438.
- ³⁷ Сборник императорского русского исторического общества. СПб, 1878. Т. 25. С. 203.
- ³⁸ Adlerfeld G. The military history of Charles XII. Vol. 1. P. 55.
- ³⁹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 3. С. 111.
- ⁴⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 3. С. 657.
- ⁴¹ Волынский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием ее участия в Великой Северной войне. Историческое исследование по первоисточникам. СПб, 1912. Кн. 3. С. 373.
- ⁴² Волынский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра. Кн. 1. С. 120.